

ОТ ОБЫДЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ОБРАЗУ

В. М. Мокиенко^{1, @}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
 @ mokienko40@mail.ru

Аннотация: В статье демонстрируется значение «Словаря обыденных толкований русских слов. Лексика природы», созданном под руководством Н. Д. Голева, для объективного диагноза русской лексической системы. Подчёркивается взаимодействие обыденного значения со значением общелитературным, с одной стороны, и воздействие первого на эволюцию художественной образности и семантики. Предлагаемые наблюдения иллюстрируются сопоставлением словарной статьи «Муравей» в словаре под редакцией Н. Д. Голева со словарными статьями других лексикографических источников и семантикой, запечатленной в басне И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей».

Ключевые слова: обыденное толкование, семантика, лексикография, художественный образ.

Для цитирования: Мокиенко В. М. От обыденного значения к художественному образу // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 164 – 169.

Одним из инновативных проектов, реализуемых под руководством Н. Д. Голева в Кемеровском государственном университете, стало составление «Словаря обыденных толкований русских слов. Лексика природы» в 2-х т. [17]. 478 слов-стимулов, описанных в 1-м томе, отражают с возможной полнотой как основные семантические характеристики русской лексики природы, так и её широкое ассоциативное пространство с последовательной качественной и количественной его градацией. Тем самым авторами объективно очерчен значимый фрагмент русской языковой картины мира с утончённой характеристикой её национальной (и частично интернациональной) спецификой.

Вчитываясь в словарные статьи и сопоставляя их с описанием той или иной лексемы в других лексикографических источниках, нельзя не отметить такое достоинство Кемеровского словаря, как универсализм и полноту представления каждой лексемы в свете данных, полученных на основе эксперимента. Принцип лексикографической полноты, сформулированный в своё время Б. А. Лариним [8], может иметь разные ипостаси и зависеть от конкретного описываемого материала. Представители Ларинской лексикографической школы этот принцип давно уже реализовали в словарях самых разных типов. На диалектном материале это сделано в «Псковском областном словаре с историческими данными» [14], на материале древнерусского языка – в словаре «Моления» Даниила Заточника [4; 15], на материале языка писателя – в «Словаре автобиографической трилогии М. Горького» [16]. В словаре под редакцией Н. Д. Голева этот принцип обеспечивается материалом, собранным у современных носителей русского языка и его распределением по 5 основным параметрам: 1) значение; 2) ассоциации; 3) фразы; 4) объекты названия; 5) созвучия и 6) этимология.

Для иллюстрации воспроизведём последнюю словарную 1-го тома словаря – «Муравей» [17, с. 535]:

– **значение:** насекомое 64; насекомое очень трудолюбивое 4; маленькое насекомое 3; маленькое (мелкое) насекомое 2; букашка; грузовое суровое насекомое; животное; красный; кусается; маленькое

насекомое, которое может носить груз в несколько раз тяжелее себя; муравейник; насекомое в муравейнике (живёт в муравейнике); приказ; от слова «мурить»; работяга; рабочий; суета; таракан; трудяга; трудяга-насекомое; трудящееся насекомое, живущее в муравейнике; труженик 1; 100+21+10;

– **ассоциации:** насекомое 30; муравейник 14; маленький 6; стрекоза 5; лес; труд 3; жук; кислота; куча; трудяга 2; ант; Б. Вербер «Муравьи»; большой; букашка; былинка; вредители; дача; дерево; зелёный лес; кисло; китаец; книга Б. Вербера «Революция муравьев»; красный; лето; маленькие, работающие, сильные, быстрые организмы; маленький строитель; много их; молодец; муравей; муравьед; муха; неприязнь; пикник; поле; полянка; работать; рабочий; революция; солдат; термит; трудиться; трудоголик; трудолюбивый; чёрный 1; 105+44+4;

– **фразы:** насекомое; стрекоза и муравей 5; бегать как муравей; трудиться как муравей 2; «А зима катит глаза»; медленный как муравей; много как муравьев; муравей-работяга; муравей-трудоголик; работник; стрекоза; труд; трудоголик; трудяга; труженик; труженик муравей 1; 53+16+27;

– **объекты названия:** магазин; торт 3; автомобиль; аттракцион; газета; детский велосипед; дом; журнал; игрушка; клей; малолитражное, малогабаритное авто; минитрактор для садового участка; мопед; мотороллер; муравейник; муравьиный дом; средство от насекомых; строительный магазин; трактор; трудящийся человек; удобрение для растений; электроприбор 1; 55+22+27;

– **созвучия:** маленький; мурава; насекомое 3; выше дуралей; кочубей; кусать; лес; мамонт; мур; мура; мурава-веет; муравейник; муравушка; муравьи; мурка; не робей; отлей; пельмень; строить; хайвей; эгегей 1; 50+24+23;

– **этимология:** маленький; насекомое крошечное (маленькое) 2; бегают по траве; бегающий таракан; в мураве (траве) живет; вьет; курит мураву; маленькие и живут в траве; маленькие и от слова мурава; маленький, но проворливый; муравейник; насекомое, которое бегают в мураве; охотится в траве; сильный; чёрный 1; 52+15+35.

Как видим, в отличие от других словарей здесь нет строгого распределения описываемого семантического комплекса той или иной лексемы на «центр» и «периферию», а читателю предоставляется возможность самому выделить их из общей матрицы описания, ориентируясь на повторяемость той или иной семантической характеристики. Это свойство, в какой-то степени соответствующее принципу лексикографической полноты, вытекает из реального узуса слова в живой речи, представленной «обыденными толкованиями». Нормативная же семантика с одной стороны выкристаллизовывается из обыденной, с другой – регулирует создание и развитие последней. Так происходит круговорот семантической эволюции слова с разноплановой, но не хаотичной перегруппировкой смыслового и коннотативного потенциала.

Попытаемся представить такой круговорот на материале приведённой словарной статьи, проецируя её на лексикографический опыт предшественников и кристаллизацию в конкретном художественном образе.

Экстраполируя материал всех 6 разделов словарной статьи «Муравей», можно выделить семантические доминанты названия этого насекомого, отражаемые большинством из них:

- трудолюбие и физическая сила (гесп. способность переносить большой груз);
- маленький, мелкий размер;
- коллективизм (жизнь в муравейнике, организованность), «кучность», множество;
- быстрота (гесп. суетливость) передвижения;
- передвижение в траве (мураве).

Другие семантические признаки (красный, кусается, кусать, приказ, лес, кислота, вредители, пикник, солдат, черный, курит мураву и под.) периферийны и в какой-то мере случайны – как, например, «революционные» ассоциации с книгой Б. Вербера «Революция муравьев».

Показательно, что предложенное распределение семантики избранной лексемы на «центр» и «периферию» имплицитно подтверждается и её использованием в 4-й группе – *объекты называния*. Здесь такие характеристики, как «трудолюбие», «малый размер», «кучность» или «быстрота передвижения» воплощаются в наименования конкретных артефактов, в которых соответствующие имплицированные семы легко угадываются – ср. автомобиль, аттракцион, детский велосипед, игрушка, малолитражное или малогабаритное авто; минитрактор для садового участка, мопед, мотороллер, строительный магазин, трактор, электроприбор.

«Центральная» обиходная семантика лексемы *Муравей* является результатом длительной «работы» языковой системы. Она особенно «обкатана» в трёх жанрах русского «малого фольклора» – поговорках, устойчивых сравнениях и пословицах. Они, собственно, и стали «кузницей», в которой обиходная семантика постепенно перековывалась в устойчивую образную, художественную. Рассмотрим такую кристаллизацию семантики на материале наших трёх словарей – «Большого словаря русских поговорок» [9, с. 417], «Большого словаря русских народных сравнений» [10, с. 410 – 411] и «Большого словаря русских пословиц» [11, с. 570 – 571]. Распределим их матери-

ал по схеме, предложенной выше на основе словарной статьи «Муравей» в «Словарь обыденных толкований русских слов». (Из-за лимита места не приводим точной паспортизации источников описываемого материала. Заинтересованный читатель найдет их, обратившись к соответствующим статьям наших трёх словарей – *Прим. автора*).

1. Поговорки.

В поговорках, собственно, реализовалось лишь две семантические доминанты, характерные для «центра» обиходной семантики:

- маленький, мелкий размер и
- быстрота (гесп. суетливость) передвижения:

При этом они стали обозначением неприятного физического и психологического ощущения – озноба, дрожи, брезгливости и под.:

Мурашам обсыпает [кого]. Пск. То же, что **мураши по коже**.

Покрыться мурашами. Новг. Покрыться пупырышками (от холода, страха и т. п.).

Мураши вскочили. Пск. То же, что **мураши по коже**.

Мураши забегали [у кого]. Арх. У кого-л. появилось ощущение покалывания, дрожи.

Мураши по коже (по телу) [забегали (побежали, побегли)] [у кого]. Новг., Пск., Сиб. То же, что **мурашки по телу бегают**.

Мураши по спине плавают [у кого]. Кар. То же, что **мурашки по телу бегают**.

Мурашками посыпало кого. Народн. То же, что **мурашки по телу бегают**. **Мурашки одевает** [кому]. Пск. То же, что **мурашки по телу бегают**.

Мурашки по телу (по спине) бегают (забегали, побежали, пошли) [у кого]. Пск., Разг. Об ощущении озноба, дрожи. **Мурашки по телу**. Пск. То же. **Мурашки под кожей забегали** [у кого]. Вят. То же. **Одевать мурашки**. Пск. То же, что **мурашки по телу бегают**.

Ср.: **Дивить свой муравейник**. Казаться выше только в кругу маленьких.

2. Устойчивые народные сравнения.

- трудолюбие и физическая сила (гесп. способность переносить большой груз):

волочь (волочить) что куда как муравей. Пск. О прилежно, настойчиво и рачительно доставляющем что-л. куда-л. человеке.

трудиться (хлопотать) как муравей. О неутомимо и терпеливо работающем, хлопотущем человеке.

(трудолюбивый, прилежный) **как муравей**. Об очень трудолюбивом, прилежном, неутомимом и терпеливом в исполнении чего-л. человеке.

биться как муравец. Кар. Очень интенсивно и постоянно работать. < **Муравец** – муравей.

(трудолюбивый, прилежный) **как мураш**. Народн. То же, что (трудолюбивый) **как муравей**.

трудиться (хлопотать) как мурашка. Ум. Прост. О неутомимо и упорно трудящемся, хлопотущем (обычно маленьком, слабосильном на вид) человеке.

(трудолюбивый, прилежный) **как мурашка**. Ум. Прост. То же, что (трудолюбивый) **как муравей**.

- маленький, мелкий размер:

сам как муравей. *Ленингр. Фольк. Неодобр.* О маленьком и слабом человеке. < Из детской считалки.

(маленькая) **как муравь.** *Ряз.* Об очень маленькой девочке. < **Муравь** – муравей.

(маленький) **как мураш.** *Народн.* Об очень маленьком (обычно видимом издали, с большого возвышения) человеке. < **Мураш** – муравей.

(маленький) **как мурашка.** *Ум. Прост.* То же, что (маленький) **как мураш.**

как мурашки. *Ум. Прост.* То же, что (маленький) **как мурашка.**

– «кучность», множество и быстрота (resp. суэтность) передвижения:

кого где как муравьёв. *Прост.* О множестве движущихся, толкущихся, суеющихся где-л. людей.

гимзеть как муравь. *Алт.* Беспорядочно двигаться в разных направлениях, шевелиться, копошиться, кишмя кишеть. < **Гимзеть** – кишеть.

ёрзать словно кого муравьи кусают. *Народн. Неодобр.* О беспокойно ёрзающем, не способном усидеть на одном месте человеке.

кишеть (копошиться) как муравь. *Прост.* О скоплении людей, находящихся в интенсивном деятельном движении, делающих что-л. вместе.

расползаться/расползтись как муравь. *Прост. Неодобр.* О множестве движущихся, хлопочущих, заполонивших большое пространство (разойдясь в разные стороны) людей.

тащиться (двигаться, ползти) как муравь. *Прост. Насмешл.* О медленно, вереницей идущих в большом количестве людях.

как растревоженный муравейник. О множестве беспокойно суеющихся, хлопочущих людей.

кишеть (кипеть) как муравейник. О большом скоплении беспокойно движущихся, перемещающихся людей.

Москва что муравейник. О переполненной людьми Москве. (А. С. Пушкин).

где [живо] как в муравейнике. То же, что **где (людей) как в муравейнике.**

где (людей) как в муравейнике. О сборище оживлённо копошащихся, перемещающихся людей в каком-л. замкнутом пространстве.

готовиться к зиме как муравь. *Брян.* О неутомимо, постоянно запасующихся чем-л. людях. < **Муравель** – муравей.

копошиться где как в муравейнике. *Кар.* То же, что **кишеть как муравейник.** < **Муравейник** – муравейник.

кого где как муравню. *Перм.* То же, что **кого где как муравьёв.** < **Муравний (муравый)** – муравейник.

где как на муравьище. *Перм.* О большом скоплении людей. < **Муравьище** – муравейник.

(вшей) **что мураг.** *Брян.* О множестве насекомых. < **Мурага** – муравей.

(народу) **как мураша.** *Перм., Том.* О множестве людей. **копошиться мурашами.**

кого где как мурашей. *Народн., Новг.* То же, что **кого как муравьёв.** **кого где как мурашей на кочке.** *Новг., Том.* То же, что **кого где как муравьёв.** **кого где как на муравню мурашей.** *Перм.* То же, что **кого где как муравьёв.** < **Муравний** – муравейник.

малышей у кого как мурашей. *Пинеж.* О множестве детей у кого-л.

копошиться как мураши (мурашами). *Народн.* То же, что **кишеть как муравьи.**

натащить чего как мураш. *Арх.* О людях, интенсивно запасующих, скапливающих что-л.

разбрестись как мураш по траве. *Пск.* То же, что **расползтись как муравьи.**

расползаться/расползтись (разбредаться/разбрестись) как мураш. *Народн. Неодобр.* То же, что **расползтись как муравьи.**

(робята) **как мураши.** *Арх. Кар.* О множестве маленьких детей.

кишеть (копошиться) как мурашки. *Ум. Прост.* То же, что **кишеть как муравьи.**

расползаться/расползтись (разбредаться/разбрестись) как мурашки. *Ум. Прост.* То же, что **расползтись как муравьи.**

тащиться (двигаться, ползти) как мурашки. *Ум. Прост. Насмешл.* То же, что **тащиться как муравьи.**

2. Пословицы.

В пословицах отражается преимущественно такая характеристика муравья, как малый рост:

Для муравья и капля – море.

Для муравья и роса наводнение.

При этом большинство пословиц диалектически подчёркивает, что при малом росте муравей обладает большой физической силой и выносливостью:

Мал муравей, а гору воздвигает.

Мал муравей, да (а) горы копает.

Муравей мал, а и тот работает.

Муравей много тащит, да никто спасибо ему не скажет.

Муравей не велик, а большие кучи воздвигает.

Муравей не по себе ношу тащит, да никто ему спасибо не молвит; а пчела по искорке носит, да Богу и людям угождает.

Муравей невелик (не велик), а горы копает. Муравей ношу тащит, да никто ему спасибо не скажет.

При общем тяготении к «центральной» обыденной семантике поговорки, сравнения и пословицы могут отражать и периферийные значения – напр.:

На муравья не наступит. О мирном, безобидном человеке.

Подтетюниться как мураш. *Зауралье* (1962). О ком-л., туго подпоясавшемся, затынутом ремнём. < **Подтетюниться** – туго подпоясаться.

У каждого муравья своя тропа.

Как видим, в устойчивых языковых единицах народной речи нашли отражение те же семантические доминанты, которые выявлены и описаны в словаре под редакцией Н. Д. Голева. Именно они отшлифовывались и отшлифовываются как художественные образы в русском литературном языке. Образный «портрет» Муравья в нём во многом отмечен семантическими флюидами басни «Стрекоза и Муравей» (1808 г.) – что, кстати, отражено и в Кемеровском словаре, где слово *стрекоза* трижды становится ассоциативным «сопроводителем» лексемы *Муравей*. Основная его характеристика – трудолюбие эксплицитно подчёркнута в краткой реплике Муравья Стрекозе, которая «лето целое пропела» в «мягких муравах»:

«Да работала ль ты в лето?...»

Басня И. А. Крылова несомненно закрепила эту семантическую доминанту слова *Муравей*. Не случайно в нашем словаре «Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения» [12] отражены в контекстных употреблениях 40 оборотов разного типа и употребительности, порождённых этой басней:

Без души; В мягких муравах; Всё прошло: с зимой холодной / нужда, голод настает; Да работала ль ты в лето?; До того ль, голубчик, было; Зима катит в глаза; Злой тоской удручена, / к муравью ползет она; И до веших только дней / прокорми и обогрей; И кому же в ум пойдёт / на желудок петь голодный!; И стол, и дом; К муравью ползёт она; Как под каждым ей листком / был готов и стол, и дом; Как зима катит в глаза; Как под каждым ей кустом / был готов и стол и дом; К муравью ползёт она; Кум милой; Кумушка, мне странно это; Лето красное пропела; Муравей; Не оставь меня, кум милой; Нет уж дней тех светлых боле; На желудок петь голодный; Нет уж дней тех светлых боле; Нужда, голод настает; Оглянуться не успела; Прокорми и обогрей; Помертвело чисто поле; Попляши; Попрыгунья; Попрыгунья стрекоза; Попрыгунья стрекоза лето красное пропела; С зимой холодной голод, нужда настает; Стол и дом; Стрекоза; Стрекоза и муравей; Стрекоза уж не поёт; Так поди же попляши; Ты все пела? это дело: / так поди же, попляши!; Я без души лето целое всё пела; Я всё пела.

Комментируя эти крылатые выражения, мы старались объяснить источники и языковые факторы закрепления их семантической доминанты. Именно она повлияла не только на «охудожествление» образа русского Муравья в басне, но и на грамматическое перевоплощение басенного прототипа. Известно (В. В. Виноградов, Л. В. Успенский и др.) [2], что И. А. Крылов использовал сюжет басни Лафонтена «Le sigal et la fourmi», но при этом ему пришлось заменить женский род и пол французского муравья, а тем самым отказаться от русского «кузнечика» (le sigal), гендерно совпавшего с русским муравьем. И так французская цикада (а точнее – «цикад») перевоплотилась в Стрекозу – причем, в народном, старом значении этого слова: В русском языке XVIII – начала XIX в. оно означало насекомое вообще, поэтому И. А. Крылов, которому нужно было противопоставить в басне мужское трудолюбие и женское легкомыслие, избрал именно это существительное [7, с. 108].

Любопытно и вместе с тем показательно, что обыденная семантика, закреплённая русским фольклором и художественным образом басни И. А. Крылова, оказалась намного сильнее естественно-научного представления о муравье и стрекозе, которое уравнивает их положительную и отрицательную оценку:

«Есть еще не менее интересный и многочисленный мир насекомых. Знания об этом мире у литераторов еще более фрагментарны, а ошибки носят более серьезный характер. И. А. Крылов в басне «Стрекоза и Муравей» ни за что ни про что ослабил *Муравья* без всякого основания, обвинив в скаредности. *Муравьи* же в средних широтах ни растительного, ни животного корма вообще не запасают.

Так что стрекозе здесь зимой поживиться нечем. И уж если идти к ним в гости, то летом – перед дождями, когда муравьи создают временные запасы корма. Ну а на вопрос: *Да работала ль ты в лето?* – надо ответить, что, несомненно, *работала*, а пользы хищница-*стрекоза* приносит не меньше, чем муравей. *Стрекозы* летом уничтожают несметное количество мошек и комаров» [13].

Перевоплощение лафонтеновского образа настолько органично вписывается в русскую обыденную и фольклорную семантику, что оценивается как несомненное достоинство семантического преобразования оригинала:

«...Это очень вольный перевод из Лафонтена. В оригинале *Муравей* – бессердечный скупец, ценящий только земное и попрекающий небесное создание. Но в русском переводе мы имеем то, что имеем, басня прижилась на нашей почве, и слава Богу. Чуждое народу не прижилось бы» [3].

И в русском языке, несмотря на чёткую гендерную определенность басенных ролей, в порядке исключения пол *Муравья* и *Стрекозы* может меняться. Но при этом – именно для того, чтобы закрепить традиционное «гендерное противоречие» этих персонажей:

[Загол.] **Стрекоза и Муравей.** [В тексте] Статистика показывает, что большинство распадов семей случается из-за ухода мужчины к другой женщине. <...> Где же его ответственность? Его пресловутая логика, которой так мужчины любят хвалиться? <...> И я всегда буду поддерживать женщину, которая ушла от мужа с детьми. И это еще раз доказывает, насколько женщина мудрее и сильнее мужчины <...> Вот так-то, оказывается, *Стрекоза*-то – мужчина, а *Муравей* – женщина (Пишет ezevika_san <2009>) [18].

Такого рода попыток пересмотреть традиционное, обыденно-басенное представление о роли *Муравья* и *Стрекозы* можно немало найти в современном речевом и литературном дискурсе. Вот несколько из них:

«Сочинитель басни назначает, кому водить – кто в природе смешней похож на человека, похожего на какой-нибудь изъясн человеческого ума. Вот *Стрекоза*: состоит из одного легкомыслия – почти как мы с тобой. Это плохо, *Стрекозу* надо проучить-погубить или хоть пристыдить, а еще лучше – и то и другое. В этом смысл игры, с этой целью дедушка Крылов и заманил *Стрекозу* (хоть она и не зверь) в басню и *покумил* с *Муравьем*. Нет, настоящая, живая стрекоза – хорошая, обижать ее ни в коем случае нельзя» [6].

«Наиболее типичный и очевидный пример поэтической аллегии – это басня. В баснях Крылова действует и говорит *Муравей*, но ни автор басни, ни ее читатели вовсе не думают, что *муравей* действительно может так поступать и говорить, как там изображено. *Стрекоза* «удручена злой тоской». Но при чтении басни никому и в голову не приходит действительно думать, что стрекоза может иметь столь сложные переживания. Стало быть, «образ» тут значит одно, а «идея» – нечто совсем другое. Они вещественно отделены друг от друга» [5].

«Алина Дмитриевна пережила первый инфаркт. Ему позволили навестить ее, когда бабушка уже готовилась к выписке. Она встретила его, сидя в

креслице у окна, и, подставляя посвежевшую щеку под его поцелуй, поинтересовалась школьными успехами.

– Один Крылов вместо успехов! – со вздохом сказал Байрон. – *Попрыгунья*, видишь ли, *Стрекоза*!

– Лентяйше! – возмутилась бабушка. – Научись слушать, а уж потом подавайся в оценщики! Ты вслушивайся, Байрон. Сначала был звук, звук, который предшествовал слову, и Иван Крылов это животом понимал. Брюхом. Такому брюху позавидовали бы многие сердца.

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза...

Бабушка сняла очки в тонкой оправе – глаза ее стали пугающе глубокими – и повторила: *Как зима катит в глаза...* После паузы, глядя Байрону в висок и прижав его к своей кацавейке, пахнувшей маслянистыми духами, вдруг:

Помертвело чисто поле,
Нет уж дней тех светлых боле...

Она одним движением посадила очки на нос.
– *Помертвело чисто поле*. Вслушайся, мальчик, миленький мой: это же вся жизнь наша встает до последнего предела, до распоследнего предела. *Мертвело. Ррвело...* тело... А следом безжалостно-

режущее, как слово Русь, как свист острого железа: *чисто*. И горестно-пустое, полное, безнадежное – поле. А в рифме с ним – *боле*. Одновременно и *более* и *боль*. *Стрекоза* одна, никого вокруг, да и кого встретишь-то в русском *чистом поле*? Волка-одиночку? Замерзающего разбойника? Никого.

– *Муравья*, – шепотом возразил он, дрожа при виде слез на бабушкиных глазах.

– *Муравья*, – бесцветным голосом согласилась бабушка [1].

В последнем контексте, насыщенном «крылатыми» инкрустациями из басни И. А. Крылова, как видим, главным связующим сюжетным началом являются, как и следовало ожидать, образы *Стрекозы* и *Муравья*. Но ассоциативное поле таких крылатых выражений гораздо шире, чем семантическая доминанта этих образов. Шире уже потому, что обыденные толкования этих слов ассоциативно отрываются от центра и диффузно уходят в периферию. Именно такой процесс развития русских обыденных толкований и отражён в оригинальном инновативном «Словаре обыденных толкований» под редакцией Н. Д. Голева.

Поздравляя Юбиляра, желаю ему довести это перспективное лексикографическое начинание до совершенного завершения.

Литература

1. Буйда Ю. Домзак // Октябрь. 2004. № 6.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове 1947. 784 с.
3. Киктенко В. Антология одного стихотворения. Из русской классической поэзии // Бельские просторы. 2003. № 10.
4. Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 232 с.
5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990.
6. Лурье С. Памятная книжка // Невское время. 1999. 25 ноября.
7. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
8. Мокиенко В. М. Принцип лексикографической полноты и славянская фразеология // Славянская филология. Вып. VIII. СПб.: Изд. СПбГУ, 1999. С. 56 – 70.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 784 с.
10. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских сравнений. Более 45000 образных выражений / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
11. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70000 пословиц / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
12. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения. Словарь-справочник / под общ. ред. К. П. Сидоренко. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. Свое издательство, 2013. 682 с.
13. Поляков В. Любопытно. Двойка по природоведению // Кубанские новости. 17.05.2002. Режим доступа: <http://www.pressarchive.ru/kubanskie-novosti/2002/05/17/146847.html>
14. Псковский областной словарь с историческими данными. Основан Б. А. Лариным. Вып. 1 – 26. Л.: СПб: изд-во ЛГУ – СПбГУ, 1967 – 2015 (издание продолжается).
15. Словарь «Моления» Даниила Заточника. Подготовка к переизданию проф. А. С. Герд, доц. С. Св. Волков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 236 с.
16. Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1 – 6. Л., 1974 – 1990.
17. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2 т. Т. 1: А-М (абрикос-муравей) (478 слов-стимулов) / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово, 2012.
18. Livejournal. Режим доступа: <http://ezevika-san.livejournal.com>

Информация об авторе:

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, mokienko40@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 20.02.2016 г., принята к печати 03.06.2016 г.

FROM THE ORDINARY MEANING TO THE ARTISTIC IMAGE

Mokienko Valery M.^{1, @}

¹ Saint-Petersburg State University, department of Slavic Philology
@ mokienko40@mail.ru

Abstract: The paper demonstrates the importance of the "Dictionary of ordinary interpretations of Russian words. Lexicon of Nature", created under the leadership of N. D. Golev for the objective of diagnostics of the Russian lexical system. It emphasizes the importance of everyday interaction with the value of common literary meanings, on the one hand, and the impact of the former on the evolution of artistic imagery and semantics. The proposed monitoring is illustrated by comparing the entry "Ant" in the dictionary under the editorship of Prof. Golev with the dictionary entries in other lexicographical sources and semantics embodied in the fable of I. A. Krylov's "The Ant and the Grasshopper."

Keywords: ordinary interpretation, semantics, lexicography, artistic image.

For citation: Mokienko V. M. From the ordinary meaning to the artistic image. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 164 – 169.

References

1. Buida Iu. Domzak [Domzak]. *Oktiabr' – October*, no. 6 (2004).
2. Vinogradov V. V. *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical doctrine of the word]. 1947, 784.
3. Kiktenko V. Antologiya odnogo stikhotvoreniia. Iz russkoi klassicheskoi poezii [Anthology of poems. From Russian classical poetry]. *Bel'skie prostory – Bielski expanses*, no. 10 (2003).
4. *Leksika i frazeologiya «Moleniia» Daniila Zatochnika* [Vocabulary and phraseology "Supplication" Daniel the Exile]. Leningrad: izd-vo LGU, 1981, 232.
5. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics myth]. Moscow: Pravda, 1990.
6. Lur'e S. Pamiatnaia knizhka [Memorial book]. *Nevskoe vremia – Neva time*, 25 November (1999).
7. Mokienko V. M. *Slavianskaia frazeologiya* [Slavonic phraseology]. 2nd ed. Moscow: Vysshaia shkola, 1989, 287.
8. Mokienko V. M. Printsip leksikograficheskoi polnoty i slavianskaia frazeografiia [Lexicographical principle of completeness and Slavic phraseology]. *Slavianskaia filologiya* [Slavic Philology], iss. VIII. Saint-Petersburg: Izd. SPbGU, 1999, 56 – 70.
9. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok. Bolee 40 000 obraznykh vyrazhenii* [Big dictionary of Russian proverbs. More than 40 000 figurative expressions]. Ed. Mokienko V. M. Moscow: ZAO «OLMA Media Grupp», 2008, 784.
10. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh sravnenii. Bolee 45 000 obraznykh vyrazhenii* [Dictionary Russian comparisons. More than 45 000 figurative expressions]. Ed. Mokienko V. M. Moscow: ZAO «OLMA Media Grupp», 2008, 800.
11. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits. Okolo 70 000 poslovits* [Big dictionary of Russian proverbs. Around 70,000 proverbs]. Ed. Mokienko V. M. Moscow: «OLMA Media Grupp», 2010, 1024.
12. Mokienko V. M., Sidorenko K. P. *Basni Ivana Andreevicha Krylova: tsitaty, literaturnye obrazy, krylatye vyrazheniia* [Fables by Ivan Krylov: quotes, literary images, sayings]. Ed. Sidorenko K. P. Saint-Petersburg: Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gertsena. Svoe izdatel'stvo, 2013, 682.
13. Poliakov V. Liubopytno. Dvoika po prirodovedeniiu [Curious. Deuce on natural]. *Kubanskii novosti – Kuban news*, 17.05.200. Available at: <http://www.pressarchive.ru/kubanskii-novosti/2002/05/17/146847.html>
14. *Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Oblast dictionary with historical data]. Found Larin B. A. Leningrad, Saint-Petersburg: izd-vo LGU – SPbGU. Iss. 1 – 26 (1967 – 2015).
15. *Slovar' «Moleniia» Daniila Zatochnika* [Glossary "Supplication" Daniel the Exile]. Prep. Gerd A.S., Volkov S. Sv. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007, 236.
16. *Slovar' avtobiograficheskoi trilogii M. Gor'kogo* [Dictionary autobiographical trilogy Gorky]. Leningrad, Iss. 1 – 6 (1974–1990).
17. *Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov. Leksika prirody: v 2 t. T. 1: A-M (abrikos-muravei) (478 slov-stimulov)* [Dictionary of Russian interpretations of everyday words. Vocabulary nature. Vol. 1: A-M (apricot-ant) (478 words, incentives)]. Ed. Golev N. D. Kemerovo, 2012.
18. *Livejournal*. Available at: <http://ezevika-san.livejournal.com>

Received 20.02.2016, accepted 03.06.2016.